

"ТЕКСТ" И "ТЕКСТУАЛЬНОСТЬ" В ТЕКСТАХ Ж. ДЕРРИДА

В статье автор показывает, что проблема текста, как она сформулирована в читаемом нами авторском высказывании, состоит не в том, выходит ли текст к так называемому "внешнему миру" (или чему бы то ни было еще), но скорее в том, как то, что Деррида в различных местах именует "общим текстом" (general text), сочетается со входами и выходами в другие тексты; или, напротив, каким образом другие тексты, коррелируя между собой, тем самым составляют некий общий текст, т.е. как возникает эта интертекстуальность.

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.

Теренций Мавр

1. Идеи, как известно, обладают собственной судьбой, проявляют "характер" и имеют тенденцию к саморазвитию, далеко не всегда совпадающую с интенцией их автора: многие слова, высказывания, метафоры, вдруг, вопреки всякой логике, "видятся" нам столь автономными и самодостаточными, что звучат из наших уст без имен и контекстов, и, обрастая новыми "ассонансами и диссонансами", вовлекаясь в "неожиданные оркестровски-интерпретации"...предстают в искаженном до неузнаваемости виде, воспринимаются совершенно неожиданным, зачастую неадекватным, образом. Тем самым, отнюдь не идеи, но их "видения" становятся поводом для жарких споров и дискурсий, неким средоточием скандала, срывающимся в штопор бесконечных инвектив и апологий. Именно поэтому "скандальное" заявление Жака Деррида о том, что "внетекстовой реальности не существует"[1: 313], будучи одним из тех, событие которых начинает восприниматься как дерзкий вызов или провокация-в-себе, носит вполне конкретный смысл, имеет четкий контекст и авторский знак (высказывания и использования).

Не углубляясь в смысл и контекст данного заявления, многие критики поспешили выступить против "текстуального изоляционизма" Деррида. Расценивая это утверждение Деррида как выпад в защиту интериорности текста, М.Фуко обвинял коллегу в забвении так называемых внетекстуальных факторов бытия, в стирании их подлинности, в сведении их к некоей сугубо текстуальной функции, за которой ничто не стоит [9: 99-204]. А. МакКлинтон и Р. Никсон в своих суждениях еще более радикальны: "По сути, эта позиция надмирности, отстраненности, принципиальной исключенности из смуты жизненного бытия, которую нам иллюстрирует "текстология" Ж.Деррида, есть простая капитуляция перед лицом реальных проблем... Игнорируя социальный ландшафт и тем самым помещая свои построения в словесном вакууме, Деррида фактически демонстрирует здесь импульс солипсизма, подспудно определяющий всю его теорию" [10: 26]. Отметим, что подобные оценки весьма симптоматичны: они рождаются только тогда, когда имеет место непонимание, тщетно выдаваемое за пронципальность.

2. Между тем, положение "внетекстовой реальности не существует" необходимо понимать в том контексте, в каком оно было предложено как вполне четкое и ситуативно обоснованное высказывание. "Утверждать, что "внетекстовый реальности вообще не существует" - отнюдь не значит постулировать некую идеальную имманентность...,- разъясняет Деррида свою позицию в статье "Outwork", - если я говорю, что вне текста ничего не существует, то речь идет лишь о том, что текст отсылает исключительно к тексту, что текст не может отсылать к чему бы то ни было иному, кроме как к тексту, к любому другому тексту, к тому или к этому тексту, к тексту вообще" [6:35-36]. "Более того, - уточняет автор, - сам текст, отсылая к множеству других текстов, никогда не остается тем же самым текстом. Он всегда открыт, потенциально открыт в бесконечность, никогда не замыкается в себе или в своих границах... текст никогда не является тем, что называют вещь-в-себе" [6:36].

Иными словами, тезис Деррида, напротив, говорит скорее в пользу размыкания контура, нежели об ограничении сферы текста и текстуальности. Текст не являет собой некую асимптотическую тотальность, поскольку он обращен против трансцендентности, устремлен во все миры и столкновения, где исчезает тотальность и само понятие тотальности. "Любая замкнутость, даже как идея вещи-в-себе, есть заблуждение, проявление неосознаваемого влияния идеологии, направленной на замыкание самой системы, системы как таковой, в чем бы она ни выражалась... поэтому я никогда не проповедовал подобную замкнутость, всегда оспаривал ее предварительные условия" [6:36].

3. Прежде чем приступить к детальному рассмотрению интересующих нас вопросов, выйти из периферии проблемы в ее центр, важно уточнить еще один аспект предлагаемой Деррида формулировки. Тезис о том, что "внетекстовой реальности не существует" или "текст всегда отсылает только к тексту" отнюдь не тождествен утверждению "текст есть вещь-в-себе". Как показывает Деррида, грань здесь очень тонка, но принципиально тверда и вполне обозрима. Даже если напрямую и нельзя показать, что некий отдельный текст в итоге оказывается самореференциальным, всегда можно обнаружить, что он не исключает подобную референцию; что так или иначе, но во всех ситуациях, всегда существуют другие тексты и контексты, а также что ни один из этих истоков никогда не является первичным, по-настоящему аргіогі изначальным.

Иными словами, даже если текст и самореференциален, то здесь, что особенно важно, самореференция для Деррида отнюдь не является средством, с помощью которого текст мог бы постулировать или гарантировать свою целостность. "Напротив, в критической стратегии Деррида самореференциальность выступает главным средством критики наиболее примитивных...референциальных теорий; при этом самореференциальность Дер-

рида рассматривает только как средство критики, или определенный этап на этом пути, но не как конечный результат сам по себе" [8:101].

Таким образом, смысл высказывания Деррида определяется не намерением втиснуть текст в его собственные рамки, а необходимостью показать, *каким образом текст, отсылая к себе, тем самым отсылает к иным текстам*: "Письмо, которое отсылает только к себе, *одновременно* отсылает... к некоему другому письму. Выделяемое здесь курсивом *одновременно* – это именно то, с чем мы должны считаться, поскольку, делая отсылку к другим текстам, к другой системе определений, каждый элемент отсылает к себе исключительно как к самой структуре тех или иных определений, структуре открытой и закрытой одновременно" [5:202].

Отсюда возникает новый вопрос: как организована такая структура? Каким образом она может быть открытой и закрытой одновременно? Почему текст, будучи множественным *вместилищем* эффектов открытия и закрытия, при этом не является вещью-в-себе?

4. Прояснение специфики интертекстуальной организации самого текста и систем его внутренней референции неизбежно упирается в наиболее сложный вопрос – "что же есть текст?". Только разрешив его, можно проследить, насколько текст внутренне подвижен, действительно ли он открывает доступ в другие тексты, или каким образом все тексты взаимодействуют между собой?

Такая постановка проблемы *volens-nolens* обязывает мыслить лаконично, поэтому "для начала, - заметил Деррида в одной беседе, - мне хотелось бы уточнить само понятие "текст"... "Нет ничего вне текста": это означает, что текст не просто речевой акт" [2:74]. Он не исчерпывается сугубо лингвистическими дефинициями, но рассматривается как некое концептуальное пространство, в котором культура оформляет свою дискурсивность. "Допустим, этот стол для меня – текст, и то, как я воспринимаю этот стол, - уже само по себе для меня текст"[2:74]. Речь идет о том, что система репрезентации одного феномена всегда отсылает к другой системе репрезентации, где само обращение к данному феномену детерминировано или же вписано в поток иных серий и систем репрезентаций, прочтений либо интерпретаций.

С этой точки зрения любой текст изначально возможен только как интертекст. Текст конституируется в пространстве проекций интертекстуальной игры, он рождается внутри образуемых здесь абсцисс и ординат. "Каждый текст всегда уже является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях, в более или менее узнаваемых формах: тексты прежних культур или тексты той, в которой находимся мы сейчас... Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из существующих прежде цитат... обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены этим текстом, вовлечены в него... Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблемам источников и влияний, они представляют собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, применяемых уже даже вне кавычек" [7:78].

Следовательно, то, что традиционно именуется "текстом", в действительности выступает как переплетение текстов, трансформация изначального множества текстов. Более того, текст конституируется не тем, что традиционно называли "знаками" или "означающими", а фабрикой следов, цепочкой текстуальных референциалов..., в чье силовое поле попадает само понятие текста, и даже интертекста.

5. Идея текстуальности, как показывает цитируемый выше пассаж, принципиально неотделима от интертекстуальности : интертекстуальность парадоксальным образом оказывается предварительным условием самой текстуальности. Текстуальность зарождается только в бесконечной множественности текстов, возникает вопреки самой точке "начала начал".

Интертекстуальность – это текстуальная интеракция, которая создает поле резонанса в самом тексте, но одновременно обращает текст к диалогу с другими текстами. Такой обоюдный диалогизм, разновекторный спор-контестация напоминает о том, что тексты не только соотносятся друг с другом, они еще и связаны широким кругом различных систем репрезентаций, символических формаций и т.п., которые в свою очередь также могут быть прочитаны как тексты или мета – тексты.

Переключка концептов, их сцепление и разветвление, игра и непринужденная дистантность игры наполняют собой тело текста; обнажая латентный уровень построения дискурса, они демонстрируют нам подвижный архипелаг островков значений: текст не стремится к оформлению себя в некую органически слитную целостность – он может дробиться на мириады единиц смысла, образовывать находящиеся в постоянной рассогласованности динамичные сочетания, координировать их очертания, составлять композиции, совмещать их позиции, воздвигать и одновременно разбивать этот ритмизованный рисунок вдруг возникающего, но моментально исчезающего целого.

Таким образом, текст для Деррида не является объектом как таковым : текст – это не объект, а территория. Он существует скорее как *terra mutationis*, топос активности, перманентное поле метаморфоз. Здесь имеют место не тождества и константы, т.е. изначально неподъемная статика, но плавающие величины, серии и вариации. Текст возможен только как эхолот проецируемых вовне коммуникаций.

6. Детальное исследование структуры текста позволяет утверждать, что ни один текст не является тотальностью: текст *argioi* не может выступать в качестве некоего центрирующего начала. Текст – это всегда реальность *между*, предполагающая множественность рассредоточенных источников смысла. Более того, текст отвергает наличие оснований, он устремляется к слоям, обращен к цепочкам дифференцированных следов, а потому даже всеобщий текст, понятый как культурный универсум, *противостоит* какой бы то ни было теории и практике *центрации*.

Поскольку *general text* структурирован как топологическое (сетевое) пространство, то между текстами нет расстояний – все тексты равноправны, равнодоступны, существуют одновременно для восприятия; они пронизывают друг друга, перетекают из одного в другой, а потому *ни один текст никогда не тождественен себе самому*, и, соответственно, не может быть постулирован в качестве самодавяющей инстанции истины.

Следовательно, *текстуальность* не является свойством отдельных текстов, но есть формой организации самого знания, графической перкуссией человеческого мышления. Представление о мире как о сумме текстов, в сущности, оказывается микромоделью восприятия и оформления действительности в виде определенного сюжетного модуса. Реальность всегда уже есть текст: мир открывается человеку только лишь в форме текстов, историй о нем. Эта позиция бытия-в-тексте есть не просто констатацией текста; эта позиция и есть развернутое тело текста. Поэтому, когда Деррида говорит о том, что "нет ничего вне текста", то речь идет скорее о том, что всё мыслимо в тексте, всё является частью текста, того текста, которым и является мир, та изначальная текстуальность мышления, через которую и в рамках которой рождалась сама культура.

Текстуальное восприятие действительности и истории обусловлено не только невозможностью культуры находиться вне текста, но и тем, что все внешнее по отношению к тексту, всякая негативность текста производится в нем же. Выход из текста, "другой" и "порог" высказываются в самом тексте. Даже рефлексия о том, что есть апофатика текста, всегда уже является частью текста. "Наши представления о тексте с точки зрения соотношения его с реальностью – это бесконечный выход за пределы его классического представления. Это проламывание в радикальную инаковость текста" [6:14-15].

7. "Внетекстовой реальности вообще не существует [Il n'y a pas de hors texte]. Но не только потому..., что у нас нет иного доступа к ... так называемому "реальному" существованию, кроме как через текст; не потому, что мы не можем поступить иначе и должны помнить об этом органически [...]; есть и другие веские основания" [1:313].

Поскольку действительность всегда опосредована дискурсивной практикой, то в одной плоскости находится как сама действительность, так и ее рефлексии: мышление в каждом конкретном его проявлении не столько отражает действительность, сколько конструирует ее в виде объекта своего исследования, создает некий дискурсивно-логический образ или рисунок, обрамляя в определенную научно-дисциплинарную оправу. В этом смысле *любая теория* (политическая, экономическая, этическая, теологическая etc.) есть для нас не более чем совокупность текстов (или антитекстов), принадлежащих нашей истории и культуре. А потому, налагая отпечаток на наше чтение и (интерпретирующее) письмо, она *не является таким же общим принципом* либо истиной, которую можно было бы *изъять* из системы текста, где мы находимся, чтобы прояснить эту систему изнутри.

Довольно тонкий нюанс, на который здесь указывает Деррида, не всегда замечается критиками. Это то, что обычно упускают из виду, поскольку сам упрек в невнимании к сферам, по всей видимости, относимым критиками к разряду "hors texte", т.е. якобы находящимся "за пределами текста" или лежащих "вне текста", исходит из неверного понимания того, что Деррида говорит о тексте и как он трактует феномен "текстуальности мира".

В частности, можно сослаться на один из таких примеров – политическое эссе А. МакКлинток и Р. Никсона [10], адресованное Ж. Деррида как негативный ответ на его статью "Последнее слово расизма", которую философ написал в качестве предисловия к каталогу картин, сопровождающему художественную выставку полотен на тему антиапартеида [позже данная статья Деррида вышла отдельным изданием и была опубликована в журнале "Критические исследования": Derrida J. Rasism's last word // Critical Inquiry – Vol.12. – №1. (Autumn, 1985)]. Инвектива А. МакКлинток и Р. Никсона направлена против "текстоцентризма" Деррида, "проповедуя" который, он-де "абсолютно не замечает всё то, что действительно его окружает, а именно, историко-политический мир со всеми его проблемами, доктринами, идеями и противоречиями". Отождествляя дерридеанский "текст" с сугубо конкретным, дисциплинарно-прикладными лингвистическим феноменом, понимая текстуальность в чрезвычайно узком смысле, вне экстраполяции данного феномена на всю сферу действительности, в том числе и на наши рефлексии о ней, А. МакКлинток и Р. Никсон "обвиняют" Деррида в невнимании к так называемому "внешнему миру", и особенно в том, что "он сознательно дистанцируется от проблем бытия в-мире, одной из которых и является апартеид в африканских странах"; занимая обособленную позицию, он "не принимает участие в борьбе против расизма, а следовательно, вся его политическая и философская миссия сводится к простой манипуляции словами" [10].

8. Ответ Деррида – "Открытое письмо к Анне МакКлинток и Роберту Никсону" - отличный пример деконструкции в действии – прекрасно иллюстрирует не только различие обеих позиций адресата и адресантов, но и наглядно показывает, что критика апартеида в итоге оказывается бесполезной, если ее воспринимать как нечто, находящееся по ту сторону самого апартеида². Апартеид, так или иначе, всегда уже является частью этого (критического) текста, он изначально вписан в него, будучи частью той же дискурсивности, которая определяет сам факт понимания данного феномена, оптику его восприятия и методы борьбы с ним.

Разъясняя, что такое "слово" и "текст" в его понимании, Деррида еще раз подчеркивает свою позицию – он весьма далек от того, что именуется "игрой словами", и тем более, "игрой со словом "апартеид" - и в ответ на апелляцию к его заявлению – "il n'y a pas de hors texte" - он пишет: "Текст" в том значении, в каком я использую данное понятие, не "книга", не "рукопись", не "бумага" в тривиальном смысле слова. Равно как и "письмо" или "след", текст не ограничивается плоскостью, на которую нанесена некая графика. "Текст" – то, как я ввожу это понятие в свой арсенал, - служит исключительно стратегическим целям..., поэтому я посчитал необходимым расширить само понятие "текста", разомкнув его лингвистические границы. – Вот почему я говорю *"нет ничего вне текста"*. Вот почему Южная Африка и апартеид также, как Вы и я, являются частью этого *всеобщего текста*, частью текста вообще³... Именно поэтому я, борясь и вызывая против апартеида, в то же время не выхожу за

пределы текста, т.е. не нахожусь *по ту сторону*... в новом понимании термина "текст". И в этом смысле *ни кто*, даже самый способный и радикальный в преобразованиях активист, не может быть *по ту сторону*... Однако именно сама стратегическая переоценка и переосмысление понятия "текст" позволяют мне действовать более комплексно и более последовательно в этой борьбе... Философско-теоретическое, практическое и политическое *обоснование этой необходимости*... обретает у меня имя того, что и было названо или определено как "деконструкция" [4:167-168].

Вопрос, подспудно затрагиваемый здесь Деррида, наводит на очень серьезные размышления относительно ответственности критика за все происходящее, в том числе за последствия ангажированности самой критики, восприятия ее в качестве некоей привилегированной, в силу своей "объективности", "независимости" и "справедливости", позиции. Верным признаком того, что стратегия критики стала слишком абсолютизированной, а ее последствия слишком предсказуемыми, является то, что она всегда останавливается в одном и том же пункте, раз за разом производя те же самые эффекты.

9. Таким образом, "проблема текста" у Деррида, точнее позиция, которую он занимает в данном вопросе, состоит не в том, чтобы всегда находиться "в пределах текста" или быть "верным" ему, но в том, чтобы показать, почему именно "критика и...любая теория...должны приостановить или, по крайней мере, усложнить (с большей долей осторожности) то наивное пространство, которое когда-то связывало *текст* с его вещью, референтом или реальностью, или "даже с некоторой последней концептуальной, семантической инстанцией" [6:43-44].

Говоря о широком значении понятия "текст", уточняя, в каком смысле "вне текстовой реальности не существует", Деррида не случайно обратился к вопросам самореференции, сделав акцент на игре различий в рамках *dehors/dedans*, обнажая их гомогенную complication не только в тексте, но и внутри нашего восприятия проблемы текста как таковой. Ведь, как показал Деррида, сама проблема заключается отнюдь не в том, выходит ли "текст" (будь то система репрезентации, восприятия, или обоснования) к некому "означаемому" как "внешнему миру", но в том, как понимается сама эта "внешность" (мира, критической позиции, методологической установки и т. п.). Поэтому полемика между Деррида, с одной стороны, и МакКлинток и Никсоном, с другой стороны, по сути, вновь возвращает нас к тому, что говорилось выше о референции, поскольку "рассуждения – осуждения" второй стороны построены на интерпретации деконструкции как концепции "отложенного означаемого".

Однако, как поясняет Деррида в своем интервью, подобная трактовка деконструкции весьма поверхностна, если не сказать примитивна: "Как вы знаете..., деконструкцию часто толкуют как концепцию...отложенного означаемого". Это очень глупая позиция, поскольку, как я уже говорил, если допустить, что текст – не просто лингвистический феномен, то деконструктивизму надо заниматься тем, что называется "реальность", "экономика", "история"... ибо раз есть текст, есть и означаемое. Но механизм референции не столь уж прост. Логика референции и логика различия не противостоят друг другу. В общем плане я сказал бы одну вещь: всякий раз, когда я воспринимаю означаемый объект и говорю себе: "Это нечто, находящееся извне, это за пределами моего мира, я воспринимаю лишь то, что могу воспринять по логике различия с уже известным. Я в состоянии идентифицировать предмет только внутри структуры различий. Для того, чтобы референция работала в процессе восприятия, она должна быть различающей. Референция в чистом виде не существует, т.е. референция – это различие, референция требует нечто дополнительное для своего осуществления" [2:75].

Другими словами, логика различия всегда действует как логика референции, поэтому сама референция возможна только как некое различие, всегда обратимое различие: ведь если то, что существует *вне* текста, всегда отсылает к тому, что *в* тексте; то и то, что содержится *в* тексте, одновременно и с необходимостью, оказывается *вне* его, т.е. неизбежно *извлекается* наружу. Здесь и происходит определенная "субверсия" нашего восприятия, когда "внутреннее" посредством работы различающей мысли, видится "внешним", но при этом "внешнее" встраивается в представление о "внутреннем". Две несоизмеримые проекции являются результатом дифференциальности.

Это чрезвычайно немаловажный момент, и "быть может, мое объяснение чересчур подробно, - отмечает Деррида, – но надо разбираться по порядку, коль скоро приходится сталкиваться с многочисленными критическими возражениями... Итак, моя концепция текста и представления о референции не вступают в противоречие" [2:75-76].

Таким образом, Деррида вполне ясен и корректен в своих тезисах, о чем свидетельствует подчеркнутая продуманность предлагаемых положений.

10. *Итак*, плюсы и минусы распределены, казалось бы, всё однозначно, но оппонентов раздрает война? Каким образом возникает *casus belli*: в чем причина бесконечных споров? Как возникает непонимание сторон? Не оказывается ли подобная полемика в действительности дискурсивной о совершенно другой проблеме, а именно разговором о том, что есть "невозможное" в языке, которое делает "возможным" сам язык: вписан ли язык в текст, или же текст – событие, рождающееся в границах языка? Насколько эти понятия соотносимы и, особенно важно, взаимозаменяемы?

Деррида, как правило, упрекают за текстуализацию всего и вся, но при этом всегда обнаруживается "подмена тезиса": "Люди, предпочитающие определять как "язык" то, что я называю "текстом", поскольку я как-то написал: "нет ничего вне текста", обычно переводят и интерпретируют мое высказывание так: "нет ничего вне языка". Тогда как, если говорить об этом очень бегло, очень схематично, дело обстоит совсем наоборот – сама деконструкция началась с деконструкции логоцентризма...т.е. с попытки избавить опыт мысли от господства лингвистической модели" [3:153-154].

Выводы. Подводя итоги, следует указать на то, что, отождествляя текст с языком, или языковой (лингвистической) сферой, многие критики не замечают, что текст не *вовне* языка – он *его* внеположность. "Так что у

текста нет больше предела, нет ничего внешнего ему. Нельзя сводить текст к языку, речевому акту в строгом смысле слова" [3:154]. Язык всегда есть лингвистический феномен, его понимание и интерпретация так или иначе опосредованы текстом, а именно всем тем, что определяет "язык" в качестве такового. Поэтому за пределами языка действительно *есть* текст – текст, который рождает само то "*что значит быть за пределами*".

Далее следует иметь в виду, что быть "за пределами" изначально вписано в семантику "предела", или в так называемую риторику "предела", ибо различия, которые являются различиями в способах интерпретации этого быть "за пределами", всегда уже принадлежат "реальности текста", т.е. тому пространству, которое образует мир "текста".

Таким образом, как раз данный нюанс и позволяет считать несостоятельными "критические" выпады против Деррида. Причем речь идет не столько о технике лейтмотивов, сколько о рисунке самой игры. Стороны говорят на разных языках – возможно равноценных, но несоизмеримых. И хотя тонкая граница между ними едва преодолима, не стоит соблазняться ее прозрачностью. Конфликт здесь и в самом деле весьма глубок, его корень отнюдь не в простоте разногласий. Принципиально иная модальность построения дискурса у Деррида и его оппонентов обусловлена той же самой *логикой предела...предела*, по обе стороны которого простирается их критический текст.

1. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000 – 511с.
2. Интервью с Жаком Деррида // Arbor Mundi. – М. – 1992. -№1. - с.73-80.
3. Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида. //Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. – М. : Ad Marginem. – 1993. – с.151-186.
4. Derrida J. But beyond...: Open letter to Anne McClintock and Rob Nixon./Transl. by P.Kamuf./ //Critical Inquiry. – 1986. – Vol.13 – №1 (Autumn 1986).
5. Derrida J. Double Session. //Derrida J. Dissemination. – Chicago: University of Chicago Press, and London : The Athlone Press. – /Transl. By B.Johnson/ - 1981. – p.173-286.
6. Derrida J. Outwork // Ibid. p.1-60.
7. Barthes R. Texte // Encyclopaedia universalis. – Paris. – 1973. – Vol.15. – P.78.
8. Carrol D. Deconstruction and the question of literature // Carrol D. Paraesthetics: Foucault. Lyotard. Derrida. – New York : Methuen. –1987. – P.81-105.
9. Foucault M. Language, counter-memory practice: Selection Essays / Editor and preface by D.F.Bouchard / - Oxford. – 1977. – 246p.
10. McClintock A. and Nixon R. No names Apart: The separation world and history in Derrida's "Le Dernier Mot du Rasism" // Critical Inquiry. – 1986. – Vol. – 13 №1 (Autumn. 1986).

Матеріал надійшов до редакції 15.09.03 р.

Азарова Ю.О. "Текст" і "текстуальність" у текстах Ж. Деррида.

У статті автор стверджує, що проблема тексту, як вона сформульована у читаному нами авторському висловлюванні, полягає не в тому, чи виходить текст до так званого "зовнішнього світу" (або чогось подібного), але скоріше в тому, як те, що Деррида у різних місцях найменує "загальним текстом" (general text), сполучується зі входами й виходами в інші тексти; або, навпаки, яким чином інші тексти, корелюючи між собою, тим самим складають спільний текст, тобто як виникає ця інтертекстуальність.

Azapova U.O. "The text" and "the textualism" in the texts by Zh.Derryda.

The author of the article maintains that the issue of the text. The way it is formulated in this them, consist in the fact what Derryda terms " general text". Which communicates with ins and outs of other texts or, conversely, the way the other texts, when correlating, make a general text, i. e the way the intertextuelisms come into being.